

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

FULL ARTICLE

ЛОГИНОВА Марина Васильевна
доктор философских наук, профессор,
заведующая кафедрой культурологии
и библиотечно-информационных ресурсов
Национального исследовательского
Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарева,
Саранск, Российская Федерация
marina919@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7605-007X

ВАК: 5.10.1.

DOI: 10.36343/SB.2024.37.1.004

Онтологический аспект феномена безмолвия

В работе отстаивается тезис об эвристическом потенциале онтологического подхода к изучению феномена безмолвия как сущностной характеристики бытия. Определение существующих подходов к изучению феномена (лингвокоммуникативный, религиозно-теологический, искусствоведческий, философский) способствует формулировке цели исследования – определения возможности применения онтологического аспекта в изучении феномена безмолвия как «сверхчувственного интервала», «паузы» бытия, не сводимого к бинарным оппозициям. Выделены уровни проявления феномена безмолвия (вещь, природа, искусство), охарактеризовано их соотношение с онтологическими категориями («самое само», возвышенное как идеальное, выразительность). Обращение к концепциям М. Бланшо, Ж. Ж. Дерриды, Ж. Женетта, М. Мерло-Понти, М. Хайдеггера и В. В. Библихина, М. К. Мамардашвили, В. С. Соловьева, П. А. Флоренского и других позволяет автору сделать вывод о метафизическом характере безмолвия.

Ключевые слова: безмолвие, онтологический аспект, язык, метафизика, бытие.

*Язык основывается внутри молчания.
Молчание – вот самое скрытое вымеривание меры.
Оно блюдет меру, впервые задавая ее.
Тем самым язык – полагание меры во всем самом сокровенном...
Доколе язык – это основа здесь-бытия, в этом последнем
заложено умерение, притом как основополагание
спора мира и земли*

М. Хайдеггер

Введение. Эпиграфом к статье послужила мысль М. Хайдеггера о присутствии языка в мире (здесь-бытии), репрезентации представлений посредством «оязыковления». Проблема взаимосвязи языка и мира имеет длительную историю своего становления, развития и трансформации в изучении ее различных аспектов.

В рамках статьи мы предлагаем обратиться к одному из способов их взаимосвязи – безмолвию как сущностной характеристике бытия. Отметим, что проблема безмолвия может быть осмыслена, как минимум, в двух аспектах: во-первых, как характеристика и условие существования бытия (мира, природы, человека, общества, искусства); во-вторых, собственно, как выражение звуковой картины мира / звукового кода культуры (наряду с молчанием, тишиной, криком и др.) [12] [13] [14].

На онтологический аспект безмолвия указывает М. Бланшо, определяя его как «язык бытия», на котором «говорят сущие, в коем и они обретают забвение и упокоение» [3, с. 33]. Подчеркнем, что у философа речь идет о безмолвии как способе выражения бытия, «которое утверждает в человеке свое решение – не быть, отделиться от бытия...» [3, с. 33]. Считаю важным определить онтологическую природу безмолвия во всей ее полноте, «...если мы хотим, в конце концов, быть услышанными» [3, с. 42], и обосновать его значение для культуры.

Цель нашего исследования – раскрыть эвристические возможности онтологического аспекта в изучении феномена безмолвия и его проявления на уровне вещи, природы, творений искусства. Подчеркнем, что акту-

альность изучения онтологических вопросов, в том числе и безмолвия, связана с процессами трансформации современной культуры, языка, искусства, в которых явно определяется тенденция поисков глубинных оснований мира и человека для того, чтобы «услышать собственное положение» [28, с. 94].

Для определения онтологического аспекта феномена безмолвия мы обращаемся к существующей традиции его изучения. При этом под «онтологическим аспектом» подразумевается фундаментальный характер безмолвия как «паузы», которая лежит в основе проявления безмолвия на уровне вещи, природы, искусства. Именно такое истолкование в дальнейшем может послужить целям некоторого обобщенного понимания феномена безмолвия в различных гуманитарных науках (литературоведении, социальной философии, философии искусства, эстетике и др.).

Итак, анализ существующей традиции изучения проблемы безмолвия позволяет нам выделить несколько подходов: *лингвокоммуникативный*, состоящий в определении этимологических характеристик безмолвия и его соотношения с молчанием, концептуально объединенных на основе «семантико-когнитивного признака: отсутствие звучащей речи» [11, с. 159], и уточнении концептов, сопряженных с безмолвием, например «белое безмолвие» [9]; *религиозно-теологический*, изучающий мистический опыт священно-безмолвия исихазма с акцентированием идеи о психофизическом единстве человека как образа и подобия Божия, практической аскезы в процессе обожения [31]; *литературоведческий*, выявляющий мотив / феномен безмолвия в художественных произведениях, прежде всего поэ-

тических, как способность «выразить невыразимое» (А. А. Ахматова, Ф. И. Тютчев и др.) [4] [5] [26]; *искусствоведческий*, определяющий сакральное безмолвие в религиозном искусстве [6]. Особо выделим философский подход к безмолвию как характеристике русской религиозной философии [23], определению социальных аспектов безмолвия в обществе (социальная немота и отношение к дискурсивному слову) [16].

Таким образом, краткий обзор предлагаемых подходов позволяет сделать вывод о необходимости дальнейшего изучения данного феномена, рассматриваемого нами как онтологического. При всем многообразии трактовок безмолвия общими чертами являются: коммуникативное значение и метафизический характер, отличающий безмолвие от молчания. Суть отличия заключается в том, что молчание рассматривается как оппозиция речи и звучащему слову, хотя и молчание может быть звучащим. Вспомним известные слова М. М. Бахтина о том, что молчание возможно только в человеческом мире, а в мире без человека противоположностью молчания является тишина [1, с. 357]. Вопрос о безмолвии – метафизический, затрагивающий сущностные характеристики всего бытия, идет ли речь о безмолвии / немоте общества, природы, современного искусства.

Методология исследования обусловлена проблематикой данной статьи. В качестве подходов к изучению феномена безмолвия, вовлекаемых в исследовательский процесс, выступают философско-культурологический, онтологический, абстрактно-формальный. Акцентирование безмолвия как онтологической характеристики актуализирует значение феноменологического подхода в изучении, который «позволяет... отбросить все старые формы выражения относительно связи сознания и реальности, предлагая принципиально новый терминологический аппарат, новый метод, новый подход...» [20, с. 19]. Главным в исследовании является онтологический подход, значение которого (в единстве с феноменологическим) заключается в раскрытии бытия как иерархии смыслов посредством снятия противоречия между субъектом и объектом (формой / содержанием, явлением / сущно-

стью и др.), типологизации присутствия феномена безмолвия на уровне вещи, природы, искусства.

Триединство процедур феноменологической редукции (отказ от факторов внешнего мира, сосредоточенность на акте сознания, поиск и обнаружение априорного смысла) посредством интенциональности обращено к жизненному миру, объединенному в целостное бытие через снятие данных противоположностей. Сопоставительному анализу эстетического и феноменологического опыта посвящена монография А. В. Ямпольской, в которой автор предлагает следовать за феноменологической редукцией в восприятии трансцендентального, определяя феноменологию искусства способностью «выйти из мира и вернуться к миру; пережить глубокое духовное преобразование, перестать быть собой, чтобы стать самим собой в полном смысле слова» [32, с. 39]. Двойственность восприятия искусства зрителем заключается в его одновременном нахождении в «двух установках», двух уровнях восприятия – «реальном и фантазийном», которые образуют «сложную двухуровневую структуру» [32, с. 72], что приводит к изменению смысла в процессе восприятия, определенному как принцип «остранения». Исследователь русского формализма Оге А. Ханзен-Лёве отмечает направленность данного принципа «против привычного узнавания и автоматического восприятия» [30, с. 12]. Применительно к теме нашего исследования феноменологический подход позволяет раздвинуть границы анализа безмолвия (от описательности к обнаружению новых смыслов, определению которых посвящены исследования М. Бланшо [3], Ж. Дерриды [7], М. Мерло-Понти [18], М. Хайдеггера [28] [29] и др.).

Итак, с позиций онтологического подхода, безмолвие свидетельствует не только об отсутствии слов, речи, выражения, но и создает определенное поле «удержания» информации, сохраняя направленность на бытие. С этой точки зрения, безмолвие бытия может быть рассмотрено как *пауза*, «сверхчувственный интервал» (М. К. Мамардашвили), «зазор» (М. Хайдеггер) между высказываниями в процессе коммуникации. «В этой паузе, – отмечает М. К. Мамардашвили, – а не в элементах пря-

мой непосредственной коммуникации и выражений, осуществляется и соприкосновение с родственными мыслями и состояниями других, их взаимоузнавание и согласование, а главное – их жизнь...» [17, с. 58]. Поэтому, будучи связанным с метафизическими вопросами первообраза мира, Абсолюта, духовного восхождения и т.д., безмолвие не означает покоя мысли, отсутствия внутреннего голоса. Напротив, противопоставление обыденного и сущностного слова в литературе приводит М. Бланшо к выводу о необходимости движения мысли в сторону «не быть, отделиться от бытия и, придавая действительность этому отделению, создавать мир – безмолвие...» [3, с. 33], через которое поэтическое слово вновь обретает полноту сущностного выражения, «язык сказывает как сущностное» [3, с. 34].

Указывая на чистоту слова посредством «сверхчувственной паузы», безмолвие открывает бытие для человека во всей его полноте. В.В. Библихин называет состояние «тихого безмолвия» безволием, но никак «не потерю себя», а как «выход в мир, на волю», так как «мир приходит неслышно; чтоб расслышать его, надо услышать тишину. Тогда мы вдруг начинаем слышать голоса всех вещей как бы издали; они словно приходят в согласие» [2, с. 58–59].

Разделяя идею М. Бланшо и В.В. Библихина о метафизической природе безмолвия, подчеркнем его двойственную природу, состоящую в одновременности присутствия / отсутствия голоса, безволия / обретения себя, покоя / перемены и изменения, бытия / события, времени / безвременья и др. Безмолвие – высшая метафизическая точка молчания, «где ничто не обнажается, где в глубине сокрытости говорение является еще лишь тенью слова, язык – лишь своим образом, языком воображаемым и языком воображаемого, тем, которым не говорит никто, шепотом непрекращающегося и незавершимого, которому нужно навязать *безмолвие...*» (курсив М. Бланшо) [3, с. 42].

В качестве предварительного вывода отметим, что понимание безмолвия нельзя свести к бинарным оппозициям, составляющим его содержание, но способствующим возникновению «сверхчувственного интервала» как

феноменологического опыта безмолвия, «срединной точки» (М. Бланшо), в которой язык исчезает и обретает себя. Особо выделим, что смысловой центр безмолвия находится внутри структуры бинарных оппозиций, «высвечивая» его сверхчувственность, «чистоту», метафизичность.

На трансцендентный характер категорий безмолвия и молчания указывает Е. В. Патева при анализе фильмов И. Бергмана. Заслуживает внимания вывод автора об отличии данных категорий с позиций переживания феноменологического опыта, так как в безмолвии «происходит контакт с трансцендентным (зрителю неочевидно, кто или что продуцирует ситуацию “молчания” / редукции), а под молчанием понимается переживание редукции, при котором трансцендентное как агентность отсутствует (“молчит” наличествующий в повествовании субъект, а его молчание противопоставлено ситуации говорения)» (подчеркивание Е. В. Патеевой) [21, с. 26]. Отметим, что в процессе постижения безмолвия главным, конечно же, является понимание человеком бытия как сложного процесса ухода, замолкания и покоя во имя обретения себя и возвращения к себе.

Для дальнейшего анализа проблемы на основе абстрактно-формального метода обратимся к философско-культурологическим уровням безмолвия бытия, «тональностям тишины» (А. Корбен), в первую очередь к миру вещей, которые «обращаются к нашей душе на языке безмолвия» [10, с. 20]. В работе «Исток художественного творения» М. Хайдеггер ставит вопрос о «вещном в творении искусства» [29, с. 60], рассматривая в качестве примера известную картину Ван Гога, которая изображает крестьянские башмаки в «неопределенном пространстве», так как «нет ничего, к чему бы они могли относиться» [29, с. 66]. В художественном творении безмолвная вещь начинает говорить о «всеобщей сущности вещей», раскрывая «несокрытость своего бытия» [29, с. 69].

Для понимания феномена безмолвия на уровне вещи важна мысль М. Хайдеггера о возможности «услышать чистый шум» вещей через уход и абстрагирование от них, «умение слушать их абстрактно» [29, с. 60]. Абстрактно-

-формальный анализ онтологической категории «вещь» отмечает Т. Л. Михайлова [19]. Таким образом, безмолвие вещей – проблема современной онтологии, которая «высвечивает» их сущность, «наделяет... особым ореолом, делает их живыми» [10, с. 20], определяет их границу бытия и небытия, так как вещи общаются на языке безмолвия.

Проблема безмолвных, но говорящих вещей рассматривается в диалоге Платона «Евтидем»: «...когда я бываю в кузницах, железо, как говорится, вопит и издает прегромкие звуки» [22, с. 149]. Рассуждая о словах и молчании («разве все не молчит?»), софист и его собеседник приходят к противоречиво-удивительному для них выводу, что говорит все, даже безмолвные вещи. Для определения безмолвия на «вещном» уровне используем понятие «самое само» (А. Ф. Лосев) как сущность и неповторимую индивидуальность вещей, несводимую к набору характеристик (форма, материал и др.). «Самое само» вещи невыразимо, изначально безмолвно и как первопринцип всего сущего имеет трансцендентный характер [15].

Блестящий анализ феномена безмолвия в искусстве представлен Ж. Женеттом, считавшим Г. Флобера одним из создателей масштабного проекта «не говорить ничего» [8, с. 232] в современной литературе. Описание незначительной детали, воспоминания или вещи у писателя «вклинивается» в роман настолько, что приводит к «ускользанию смысла в бесконечном трепете вещей» [8, с. 232], утверждая безмолвие как персонажей, так и «самого романа» [8, с. 229]. В описании «не дающейся в руки трансцендентности» [8, с. 232] вещей прочитывается кинематографическое построение романа как разрыва в смене кадров, нарушение хронологии, прекращение всякой человеческой речи, «выворачивание дискурса наизнанку, возвращение к его безмолвной стороне, которое... составляет самую суть литературы» [8, с. 233]. Таким образом, безмолвие способно ритмизировать бытие.

В качестве второго уровня выделим природный ландшафт безмолвия. В. С. Соловьев определяет красоту как воплощенную идею, составными частями которой являются само

бытие, содержание или смысл и совершенная форма [24, с. 361–362]. Философ различает зрительные и слуховые способы постижения красоты в природе, но в обоих случаях «идеальное начало овладевает вещественным фактом, воплощается в нем, и со своей стороны материальная стихия, воплощая в себе идеальное содержание, тем самым преобразуется и просветляется» [24, с. 359]. Эманация красоты, с точки зрения В. С. Соловьева, начинается с небесной красоты (солнце, луна и звезды), которая олицетворяет идею всеединства «как выражения спокойного торжества» [24, с. 364], получает развитие в стихии воды как движении бытия (море, ручей, река) и стихии «шевелиющегося хаоса» (гроза, бушующее море).

Тема звучащего бытия является значимой для русской философии всеединства, в понимании которой каждый звук, голос стихии обращен ко всему бытию, «воспринимается и осознается как душа вещей» [27, с. 33]. Синтез трансцендентного и имманентного в философии всеединства акцентирует проблему явленного и неявленного для выражения всемирной идеи. В «иных случаях, – пишет В. С. Соловьев, – полное безмолвие в природе прямо усиливает эстетическое впечатление или даже составляет необходимое его условие...» (курсив В. С. Соловьева) [24, с. 370]. Анализу проявлений безмолвия в природе (ночь, луна, пустыня, горы, море), их рефлексии в истории философии и искусства (Лукреций, Г. Башляр, П. Валери, М. Пруст, А. Камю и др.) посвящены главы монографии А. Корбена [10].

Отметим, что при эстетическом анализе проявления безмолвия в природе доминирующей категорией будет являться возвышенное как выражающее представление человека об идеале. Особенность безмолвия как возвышенного – это соотношение двух разных планов, масштабов – человека и бытия (как ограниченного и безграничного, временного и вечного и др.). Здесь мы опять-таки возвращаемся к проблеме бинарности безмолвия и ее «снятии» в «срединной точке» как начале диалога человека и бытия.

Третьим уровнем рассмотрения безмолвия бытия является искусство. При раз-

работанности темы безмолвия в творчестве художников, поэтов, писателей, режиссеров и других отсутствуют обобщающие исследования. Исключение составляет эссе С. Сонтаг, в котором она анализирует безмолвие как основную характеристику современного искусства [25]. Для нас важным является не только понимание безмолвия как художественного мотива / темы, значим также способ его бытия в произведении. Речь идет о специфическом языке искусства как знаково-символической системе.

Анализируя поэтический язык, М. Бланшо использует понятия «слово сырое» и «слово сущностное» для определения безмолвия С. Малларме. Стремление поэта заключается в том, чтобы «напомнить собственным отсутствием об отсутствии всего, ибо язык... идет из безмолвия и в безмолвие возвращается» [3, с. 31]. «Сырое» слово служит для рефлексии реальности, выполняет функцию «чистой мены» определенной информацией между людьми, «употребляется» для непосредственного объяснения привычного мира, в котором человек ощущает «заблуждение сущностного одиночества»; «слово сущностное», или поэтическое не служит какой-то цели, «но сказывает язык, язык как творение и творение этого языка» [3, с. 34]. Это и есть чистый (метафизический) язык безмолвия как «выход за пределы слов» [10, с. 77], то, что М. Мерло-Понти называет «голосами безмолвия», понимая под последним основу для выражения, «без которого слово ничего не может высказать» [18, с. 52]. Становящееся выражение слов «готовых вот-вот сложиться», считает М. Мерло-Понти, имеет непрямой, «боковой» смысл, расположенный между словами как пауза, интервал, для того чтобы «поколебать устои языка или пове-

ствования, чтобы извлечь их них новое звучание» [18, с. 52].

Феноменологический подход к безмолвию в искусстве – переход от означающего к чистому языку, прежде всего, в литературе как наиболее соответствующей требованиям отказа от сходства с конкретными вещами. Язык искусства посредством выразительности «кладет начало диалогу... это – орган духа... нечто большее, чем идеи – матрицы идей...» (курсив М. Мерло-Понти) [18, с. 87]. Понимание языка искусства заключается в погружение внутрь него, процессуального «означивания», так как слова могут быть восприняты иначе, не в том значении, которое обычно им приписывается. Считаем, что доминирующей категорией для объяснения безмолвия в искусстве является выразительность.

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы: во-первых, безмолвие – характеристика бытия, «сверхчувственный интервал», в процессе которого происходит становление смысла; во-вторых, уровни выражения безмолвия (мир вещей, природный ландшафт, искусство) соотносятся с онтологическими категориями («самое само», возвышенное как идеальное, выразительность); в-третьих, феномен безмолвия способствует началу становящегося диалога человека и мира посредством ухода, замолкания и покоя во имя обретения себя и возвращения к себе, к своей сущности.

Выводы исследования, коренящиеся в рамках онтологического подхода, становятся возможными в результате постановки акцента на его сильных сторонах и могут служить дальнейшим разработкам данной проблематики, определению других (иных) способов бытия безмолвия.

Marina V. LOGINOVA

Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof.,
Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation
marina919@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7605-007X

The Ontological Aspect of the Phenomenon of Silence

Abstract. The aim of the study is to determine the possibilities of applying the ontological aspect to the study of the phenomenon of silence as an essential characteristic of being. The philosophical-cultural, ontological, abstract-formal approaches to the study of the phenomenon of silence were used in the research. The main approach was the ontological one; its significance (in unity with the phenomenological approach) is to reveal being as a hierarchy of meanings by removing the contradiction between subject and object (form/content, phenomenon/essence, etc.), to typologize the presence of the phenomenon of silence at the level of things, nature, art. The author indicates the main approaches to the study of silence (linguocommunicative, religious-theological art history, philosophical) and defines it as a “supersensual interval”, a “pause” of being, not reducible to binary oppositions. The author highlights aspects of comprehension of the problem of silence: characteristic and condition of existence of being (the world, nature, man, society, art); expression of the sound picture of the world (along with stillness, soundlessness, shouting, etc.). The relevance of studying ontological issues of silence is connected with the processes of transformation of modern culture, language, art, in which there is a tendency to search for the deep foundations of the world and man. Conceptions of Merab Mamardashvili, Vladimir Solovyov, Pavel Florensky, and others allow drawing a conclusion about the metaphysical nature of silence and to identify the levels of manifestation of the phenomenon of silence (thing, nature, art). As a result of the conducted research, the following conclusions were made: (1) silence is a characteristic of being, a “supersensual interval” in the process of which meaning is formed; (2) the levels of expressing silence (the world of things, natural landscape, art) correlate with ontological categories (“the very self”, the sublime as the ideal, expressiveness); (3) the phenomenon of silence contributes to the beginning of the evolving dialog between man and the world by means of withdrawal, silence and rest in the name of finding and returning to oneself, one’s essence. The author believes that expressiveness is the dominant category for explaining silence in art. These conclusions are rooted in the ontological approach and become possible as a result of emphasizing its strengths; they can serve for further elaboration of this issue, for determining other ways of the being of silence.

Keywords: silence, ontological aspect, language, metaphysics, being.

Использованная литература:

1. Бахтин М. М. Из записей 1970–71 годов // Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М.: Искусство, 1986. С. 355–380.
2. Бибикин В. В. Мир. Томск: Водолей, 1995.
3. Бланшо М. Пространство литературы. М.: Логос, 2002.
4. Гатаулина Д. Н. Невыразимое, непостижимое и непередаваемое в словах: парадокс существования поэтической речи // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2022. Т. 28, № 1. С. 70–77.
5. Гусев В. Иероним Лабунский и Велимир Хлебников: «феномен безмолвия» // Вопросы лингвистики и литературоведения. 2008. № 4. С. 76–87.
6. Демидченко К. В. Метафизика безмолвия в пространстве сакрального искусства // Система ценностей современного общества. 2014. № 34. С. 135–139.
7. Деррида Ж. Голос и феномен и другие работы по теории знака Гуссерля. СПб.: Алетейя, 1990.
8. Женетт Ж. Моменты безмолвия у Флобера // Фигуры: в 2-х т. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1998. Т. 1. С. 217–234.

References:

1. Bakhtin, M.M. (1986) *Iz zapisey 1970-71 godov* [From Notes of 1970–1971]. In: Bakhtin, M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. 2nd ed. Moscow: Iskusstvo. pp. 355–380.
2. Bibikhin, V.V. (1995) *Mir* [World]. Tomsk: Vodoley. 144 p.
3. Blanchot, M. (2002) *Prostranstvo literatury* [The Space of Literature]. Translated from French. Moscow: Logos. 288 p.
4. Gataullina, D.N. (2022) The Inexpressible, the Incomprehensible and the Indescribable in Words: The Paradox of the Existence of Poetic Speech. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. 28 (1). pp. 70–77. (In Russian).
5. Gusev, V. (2008) Ieronim Labunskiy i Velimir Khlebnikov: “fenomen bezmolviya” [Hieronymus Labunsky and Velimir Khlebnikov: “The Phenomenon of Silence”]. *Voprosy lingvistiki i literaturovedeniya*. 4. pp. 76–87.
6. Demidchenko, K.V. (2014) *Metafizika bezmolviya v prostranstve sakral'nogo iskusstva* [Metaphysics of Silence in the Space of Sacred Art]. *Sistema tsennostey sovremennogo obshchestva*. 34. pp. 135–139.

9. Ковалевская С. А. Эколингвистические концепты «Белое безмолвие» / «White Silence» и их лексикографическая репрезентация // Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 1. С. 247–257.
10. Корбен А. История тишины от эпохи Возрождения до наших дней. М.: Текст, 2020.
11. Коренева Ю. В. Представление концепта молчание / безмолвие в симфонии по творениям преподобных Оптинских старцев // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: сб. науч. тр. по итогам междунар. науч. конф., посвященной памяти д-ра филол. наук, профессора К. А. Войловой (Москва, 27 февраля 2017 г.) / отв. ред. О. В. Шаталова. М.: Московский государственный областной ун-т, 2017. С. 158–162.
12. Логинова М. В. Выразительность молчания в культуре XX века // Обсерватория культуры. 2006. № 5. С. 28–34.
13. Логинова М. В. Метафизика крика в звуковой картине мира XX в. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2023. Т. 25, № 90. С. 88–94.
14. Логинова М. В., Прокаева О. Н. Звуковой код культуры: феномен тишины // Сфера культуры. 2023. № 2 (12). С. 13–19.
15. Лосев А. Ф. Самое само // Миф – Число – Сущность / сост. А. А. Тахо-Годи; общ. ред.: А. А. Тахо-Годи, И. И. Маханькова. М.: Мысль, 1994. С. 300–526.
16. Мазур-Матусевич Е. От безмолвия внутреннего к безмолвию общественному: социальные последствия одного духовного выбора // Vox: философский журнал. 2014. № 17. С. 17–41.
17. Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. М.: Культура, 1992.
18. Мерло-Понти М. Косвенный язык и голоса безмолвия // Знаки. М.: Искусство, 2001. С. 44–94.
19. Михайлова Т. Л. Вещь как текст: безмолвие вещи VS забвение мира // Антропологическая аналитика: сб. науч. тр. / Нижегородский государственный технический ун-т им. Р. Е. Алексеева. Н. Новгород: Нижегородский государственный технический ун-т им. Р. Е. Алексеева, 2015. С. 86–94.
20. Никонова С. О необходимом характере связи между феноменологией и эстетикой // Феноменология и эстетика. М.: Рипол классик, 2019. С. 15–40.
21. Патева Е. В. Редукция у Ингмара Бергмана: трансцендентное как общий референт категорий молчание и безмолвие // Телекинет. 2021. № 3 (16). С. 22–28.
22. Платон. Диалоги. М.: Мысль, 1998.
23. Рожковский В. Б. Безмолвие русской религиозной философии: онтологический и культурный горизонты восточно-христианского опыта // Философия права. 2009. № 1 (32). С. 9–13.
24. Соловьев В. С. Красота в природе // Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1988. Т. 2. С. 351–389.
25. Сонтаг С. Образцы безоглядной воли. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018.
26. Сузи В. Н. Мотив безмолвия у Тютчева и Достоевского // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2009. № 2. С. 171–176.
7. Derrida, J. (1990) *Golos i fenomen i drugie raboty po teorii znaka Gusserlya* [Speech and Phenomenon and Other Works on Husserl's Theory of Sign]. Translated from French. Saint Petersburg: Aleteyya. 208 p.
8. Genette, G. (1998) *Momenty bezmolviya u Flobera* [Flaubert's Silence]. In: *Figury: v 2-kh t.* [Figures: In 2 Volumes]. Translated from French. Vol. 1. Moscow: Izd-vo imeni Sabashnikovoykh. pp. 217–234.
9. Kovalevskaya, S.A. (2019) *Ecolinguistic Concepts "Beloe Bezmolvie"/"White Silence" and Their Lexicographic Representation*. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 1. pp. 247–257. (In Russian).
10. Corbin, A. (2020) *Istoriya tishiny ot epokhi Vozrozhdeniya do nashikh dney* [A History of Silence From the Renaissance to the Present Day]. Translated from English. Moscow: Tekst. 141 p.
11. Koreneva, Yu.V. (2017) [Representation of the Concept of Silence in a Symphony Based on the Works of the Optina Elders]. *Russkiy yazyk v slavyanskoy mezhkul'turnoy kommunikatsii* [Russian Language in Slavic Intercultural Communication]. Proceedings of the International Conference. Moscow. 27 February 2017. Moscow: Moscow State Region University. pp. 158–162. (In Russian).
12. Loginova, M.V. (2006) *Vyrazitel'nost' molchaniya v kul'ture XX veka* [Expressiveness of Silence in the Culture of the Twentieth Century]. *Obseratoriya kul'tury*. 5. pp. 28–34.
13. Loginova, M.V. (2023) *Metaphysics of the Scream in the Sound Picture of the World of the Twentieth Century*. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. Sotsial'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki*. 25 (90). pp. 88–94. (In Russian).
14. Loginova, M.V. & Prokaeva, O.N. (2023) *The Sound Code of Culture: The Phenomenon of Silence*. *Sfera kul'tury*. 2 (12). pp. 13–19. (In Russian).
15. Losev, A.F. (1994) *Samoe Samo* [The Very Self]. In: Takho-Godi, A.A. & Makhankov, I.I. (eds) *Mif – Chislo – Sushchnost'* [Myth – Number – Essence]. Moscow: Mysl'. pp. 300–526.
16. Mazur-Matusevich, E. (2014) *Ot bezmolviya vnutrennego k bezmolviyu obshchestvennomu: sotsial'nye posledstviya odnogo dukhovnogo vybora* [From Internal Silence to Public Silence: The Social Consequences of One Spiritual Choice]. *Vox: Filosofskiy zhurnal*. 17. pp. 17–41.
17. Mamardashvili, M.K. (1992) *Kak ya ponimayu filosofiyu* [How I Understand Philosophy]. Moscow: Kul'tura. 416 p.
18. Merleau-Ponty, M. (2001) *Kosvennyy yazyk i golosa bezmolviya* [Indirect Language and the Voices of Silence]. In: Merleau-Ponty, M. *Znaki* [Signs]. Translated from French. Moscow: Iskusstvo. pp. 44–94.
19. Mikhaylova, T.L. (2015) *Veshch' kak tekst: bezmolvie veshchi VS zabvenie mira* [Thing as a Text: The Silence of a Thing vs Oblivion of the World]. In: *Antropologicheskaya analitika* [Anthropological Analytics]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Technical University. pp. 86–94.
20. Nikonova, S. (2019) *O neobkhodimom kharaktere svyazi mezhdru fenomenologiyey i estetiko*y [On the Necessary Nature of the Connection Between Phenomenology and Aesthetics]. In: *Fenomenologiya i estetika* [Phenomenology and Aesthetics]. Moscow: RIPOL klassik. pp. 15–40.

27. Флоренский П. А. Сочинения. М.: ЭКСМО-пресс, 1989.
28. Хайдеггер М. Положение об основании. Статьи и фрагменты. СПб.: Алетейя, 1999.
29. Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М.: Гнозис, 1993.
30. Ханзен-Лёве Оге А. Русский формализм: Методология реконструкции развития на основе принципа остранения. М.: Языки русской культуры, 2001.
31. Хоружий С. С. Диптих безмолвия. Аскетическое учение о человеке в богословском и философском освещении. М.: Центр психологии и психотерапии, 1991.
32. Ямпольская А. В. Искусство феноменологии. М.: Рипол классик, 2019.
21. Pateeva, E.V. (2021) Ingmar Bergman's Reduction. The Transcendent as a General Referent of the Categories of Silence and Stillness. *Telekinet.* 3 (16). pp. 22–28. (In Russian).
22. Plato. (1998) *Dialogi* [Dialogues]. Translated from Ancient Greek. Moscow: Mysl'. 607 p.
23. Rozhkovskiy, V.B. (2009) Bezmolvie russkoy religioznoy filosofii: ontologicheskii i kul'turnyy gorizonty vostochno-khristianskogo opyta [B. Silence of Russian Religious Philosophy: Ontological and Cultural Horizons of the Eastern Christian Experience]. *Filosofiya prava.* 1 (32). pp. 9–13.
24. Solov'ev, V.S. (1990) Krasota v prirode [Beauty in Nature]. In: Solov'ev, V.S. *Sochineniya: v 2 t.* [Works: In 2 Volumes]. Vol. 2. Moscow: Mysl'. pp. 351–389.
25. Sontag, S. (2018) *Obratzы bezoglyadnoy voli* [Samples of Reckless Will]. Translated from English. Moscow: Ad Marginem Press. 312 p.
26. Suzi, V.N. (2009) Motiv bezmolviya u Tyutcheva i Dostoevskogo [The Motive of Silence in Tyutchev and Dostoevsky]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya.* 2. pp. 171–176.
27. Florenskiy, P.A. (1989) *Sochineniya* [Writings]. Moscow: EKSMO-press. 912 p.
28. Heidegger, M. (1999) *Polozhenie ob osnovanii. Stat'i i fragmenty* [The Principle of Ground. Articles and Fragments]. Translated from German. Saint Petersburg: Aleteyya. 292 p.
29. Heidegger, M. (1993) *Raboty i razmyshleniya raznykh let* [Works and Reflections of Different Years]. Translated from German. Moscow: Gnozis. 464 p.
30. Hansen Love, A.A. (2001) *Russkiy formalizm: Metodologiya rekonstruktsii razvitiya na osnove printsipa ostraneniya* [Russian Formalism: Methodology for Reconstruction of Development Based on the Principle of Defamiliarization]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. 672 p.
31. Khoruzhiy, S.S. (1991) *Diptikh bezmolviya. Asketicheskoe uchenie o cheloveke v bogoslovskom i filosofskom osveshchenii* [Diptych of Silence. Ascetic Teaching About Man in Theological and Philosophical Light]. Moscow: Tsentr psikhologii i psikhoterapii. 135 p.
32. Yampol'skaya, A.V. (2019) *Iskusstvo fenomenologii* [The Art of Phenomenology]. Moscow: Ripl klassik. 342 p.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Логинава, М. В. Онтологический аспект феномена безмолвия / М. В. Логинава. – Текст : электронный. – DOI 10.36343/SB.2023.37.1.004 // Наследие веков. – 2024. – № 1. – С. 53–61. – URL: http://heritage-magazine.com/index.php/HC/article/view/___/___ (дата обращения: ДД.ММ.ГГГГ)..

Full bibliographic reference to the article:

Loginova, M. V. (2024) The Ontological Aspect of the Phenomenon of Silence. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries.* 1. pp. 53–61. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2023.37.1.004